

Теплое влажное прикосновение прерывисто касалось затылка. Железа Тун Цинхэ была искусана, нежная, измученная. Он словно провел всю ночь в воде, слишком много сил было потрачено. Проснувшись в полдень, Тун Цинхэ чувствовал головокружение, и даже пальцы не мог сжать от слабости.

Он повернул глаза. Рядом никого не было. Цзян Шаочжи не спал с ним. Пока он думал об этом, дверь в спальню тихонько открылась. Цзян Шаочжи вошел бесшумно, неся поднос. На нем был свежий, горячий, питательный завтрак. Время завтрака давно прошло. Тун Цинхэ выглянул из-под одеяла. Вся еда была постной и легкой, одним видом вызывая отсутствие аппетита.

Он облизнулся и сказал Цзян Шаочжи:

— Хочу что-нибудь повкуснее.

Тун Цинхэ любил предаваться страсти с Цзян Шаочжи, но не любил меню после этого. У него был маленький желудок. Раньше он не любил слишком сильный вкус, но безвкусная еда казалась ему пресной. У него были хорошо развиты вкусовые рецепторы и привычка к избирательности, свойственная воспитанным в роскоши.

Раньше Циуциу, чтобы он побольше съел, придумывал множество блюд, чтобы его вкусовые ощущения оставались свежими. Возможно, возвращение Цзян Шаочжи полностью расслабило Тун Цинхэ. Когда его нервы успокоились, он стал немного наглеть.

Он оттолкнул ложку, которую Цзян Шаочжи поднес к его рту:

— Не очень хочется...

Цзян Шаочжи молча смотрел на него. Тун Цинхэ почувствовал себя неловко и уже собирался взять ложку, но Цзян Шаочжи взял его за подбородок и накормил.

Взгляд Цзян Шаочжи был спокойным:

— Во второй половине дня родители хотят поговорить с тобой по видеосвязи.

Услышав это, Тун Цинхэ тут же сел:

— Сколько сейчас времени?

— Не торопись, — Цзян Шаочжи снова притянул к себе того, кто пытался встать и переодеться.
— Сначала доешь.

Тун Цинхэ не согласился:

— А если опоздаем?

Цзян Шаочжи невозмутимо кивнул:

— Пусть подождут.

— ...

Тун Цинхэ бросил на него недовольный взгляд, но Цзян Шаочжи выглядел так, будто он готов взять на себя ответственность за все, что произойдет. Он был невозмутим, словно падение небес не имело к нему никакого отношения, что действительно приводило Тун Цинхэ в бешенство.

Он быстро доел, а затем позволил Цзян Шаочжи отнести себя в ванную, чтобы умыться. Самое удивительное, что даже выдавливание зубной пасты и чистка зубов были полностью под контролем Цзян Шаочжи. Тун Цинхэ, сидя на раковине, апатично открывал рот, пока Цзян Шаочжи аккуратно чистил ему зубы.

Тун Цинхэ не выдержал. Глядя на себя в зеркало, он пробормотал:

— Как я сдал.

Цзян Шаочжи вернулся меньше суток, а он уже избалован до такого состояния.

Руки Тун Цинхэ непроизвольно обняли Цзян Шаочжи за шею. Он прильнул к его уху:

— Не балуй меня.

Цзян Шаочжи слегка изогнул уголок глаза. Он вымыл Тун Цинхэ, отнес его на диван и вручил коммуникатор.

Новогодние дела и визиты еще не были закончены. Цзян Шаочжи нужно было с этим разобраться. Он подложил под Тун Цинхэ подушки и одеяло:

— Поговори с родителями. Я приду к тебе, когда закончу.

Тун Цинхэ уставился на него:

— А ты не будешь с ними говорить?

Цзян Шаочжи не стал подтверждать или отрицать:

— Я поговорю с ними позже.

Цзян Шаочжи всегда так общался с родителями. Тун Цинхэ не мог это судить, и в конце концов ему пришлось общаться с родителями Цзян Шаочжи.

В канун Нового года Тун Цинхэ и домработница готовили праздничный ужин.

В Федерации начиналась праздничная атмосфера. Затихшая на зиму Федерация оживала. Тун Цинхэ помогал готовить. Увидев, что Цзян Шаочжи не спускается вниз, он вымыл руки и, немного странно двигаясь, побежал в кабинет.

Кабинет был местом, где Цзян Шаочжи работал. Он никогда не позволял никому заходить на этот этаж.

Тун Цинхэ тихонько подошел к двери и осторожно просунул голову в приоткрытую щель. Он не стоял долго. Хвост проскользнул в щель и обернулся вокруг его лодыжки, притягивая его внутрь.

Цюнь Ци лениво лежал за дверью, его звериные глаза пристально смотрели на него. Длинный хвост, обнаглев, поднялся от лодыжки, обернулся вокруг его талии. Он слегка фыркал, постоянно обнюхивая его.

Тун Цинхэ поднял руки, чтобы дать ему обнюхать. Его взгляд обратился к Альфе, который поднял голову и посмотрел на него. Вскоре, в несколько раз меньший серый комочек, лежавший на голове Цюнь Ци, сонно застонал. Благодаря маленькому коале, Тун Цинхэ смог вырваться из хватки Цюнь Ци и побежал к Цзян Шаочжи, сел рядом с ним, чтобы дождаться, пока он закончит работу.

Цзян Шаочжи был полностью сосредоточен на работе. Когда он закончил, он отвлекся, посадил Тун Цинхэ к себе на колени и одновременно нажал на пульт, чтобы поднять шторы.

Небо за окном было темным. Вдалеке виднелись мерцающие разноцветные огни и патрулирующие летательные аппараты. Сейчас, чтобы отметить Новый год, летательные аппараты были украшены специальными новогодними огнями, которые рисовали в небе поздравления.

Чтобы сохранить окружающую среду, в эпоху Звездной эры не использовали фейерверки, а вместо них — электронные, с использованием световых эффектов. Они были разнообразны по цвету и рисунку. Их яркие цвета освещали большую часть ночного неба, ослепляя глаза. В каждом доме были развешаны фонари и украшения.

Несмотря на отсутствие звуков снаружи, одно только зрелище вызывало искреннее чувство праздничной атмосферы. В это время Тун Цинхэ, сидя в объятиях Цзян Шаочжи, чувствовал сильное волнение в сердце.

Цзян Шаочжи, увидев тронутое лицо Тун Цинхэ, улыбнулся. Он взял его руку и поднес к губам:

— Почему у тебя такое заплаканное выражение лица?

Тун Цинхэ сказал:

— Просто я так счастлив.

К счастью, он не заплакал. Цзян Шаочжи, думая об этом, выдвинул ящик и протянул Тун Цинхэ пачку красных конвертов:

— Это тебе.

Это были конверты, которые Тун Цинхэ должен был раздать людям внизу, чтобы принести удачу. Он улыбнулся, а затем нахмурился:

— А мне не дашь?

Цзян Шаочжи прижал палец к его губам и тихо засмеялся:

— Тебе дам отдельно, позже.

Для самого младшего в семье Цзян Шаочжи, конечно, приготовил самый большой конверт.

В новогоднюю ночь они, как и многие обычные семьи, сидели за столом с горячими блюдами. На экране, проецируемом на стену, показывали новогодний концерт Федерации. Все выглядело и звучало очень празднично.

Раньше Цзян Шаочжи не смотрел такие вещи. Максимум, он выпивал немного вина с товарищами по отряду. Более того, в праздники они часто выполняли опасные миссии, и видели не фейерверки, а артиллерийский огонь.

Тун Цинхэ тайком отпил немного вина, но Цзян Шаочжи тут же его поймал. Он видел, что Цзян Шаочжи пил, и сам захотел.

Цзян Шаочжи слегка покачал головой и тихо сказал:

— Ты не хочешь, чтобы здесь было еще хуже?

Его ладонь многозначительно легла на измуженное место. Тун Цинхэ испугался, оттолкнул его руку и огляделся. Домработница, получив красный конверт, уже давно исчезла. Циуциу тоже не было. В огромной гостиной остались только они вдвоем.

Тун Цинхэ не выдержал:

— И все это из-за тебя...

Цзян Шаочжи мягко улыбнулся, поднял его на руки и обнял. Их руки с кольцами были

переплетены. Он ритмично поглаживал его.

— Тун-Тун, — Цзян Шаочжи смотрел на великолепные фейерверки. — Спасибо, что подарил мне такой теплый Новый год.

Когда в доме есть кто-то, ты всегда хочешь вернуться домой.

Цзян Шаочжи приложил его ладонь к своему сердцу. Тун Цинхэ почувствовал его ровный и сильный пульс. Опомившись, он сказал:

— Я тоже должен тебя поблагодарить.

Даже если их отношения изначально были определены государственным распределением, Тун Цинхэ был благодарен, что встретил своего Альфу.

У него появился свой дом, самый близкий человек в жизни. Они проведут остаток жизни вместе, и теперь ему есть с кем разделить любые эмоции.

С того дня, как они были подобраны, по какой бы то ни было причине, судьба решила, что они неразлучны.

Яркие фейерверки расцветали за окном. Тун Цинхэ увидел их отражение в зрачках Цзян Шаочжи. Он моргнул, и увидел, как его обычно спокойные глаза оживились.

Наверху Цюнь Ци, свернувшись полукругом, внимательно смотрел на спящего коалу. В момент наступления Нового года спящий коала проснулся, посмотрел на гигантского зверя, который почти прижался носом к нему, и осторожно подполз, поцеловав зверя в нос.

Пряный, сладкий и свежий аромат феромонов заполнил всю спальню. До того, как феромоны Тун Цинхэ начали выделяться, Цзян Шаочжи отнес его в комнату. Они обнялись, прижались друг к другу щеками, готовясь перейти к следующему шагу. Тун Цинхэ зашипел, кусая губы.

Прошлой ночью он был немного груб. У Тун Цинхэ были раны. Цзян Шаочжи молча укрыл Тун Цинхэ одеялом и обнял его, думая о том, что значит "пожинать плоды своих деяний".

Тун Цинхэ пошевелился. Он увидел, что лицо Цзян Шаочжи покрыто потом, и почувствовал нежность.

— На самом деле, можно, — сказал он.

Цзян Шаочжи покачал головой и крепко обнял Тун Цинхэ, почти в момент, когда пробили часы:

— С Новым годом.

Тун Цинхэ, улыбаясь, энергично ответил:

— Угу!

Слова были не нужны. Их тела тесно соприкасались. Они ничего не говорили, но понимали друг друга с полуслова.

Они желали друг другу быть вместе в этот момент каждый год.

— Конец основной части.

<http://bllate.org/book/4/134>